

ГОЛОС ТРУЖЕНИКА

GOLOS TRUZENIKA

[THE TOILER'S VOICE]

ОСВОБОЖДЕНИЕ РАБОЧИХ
— ДЕЛО САМИХ РАБОЧИХ.

Russian Monthly. Published by the General Executive Board of the Industrial Workers of the World.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ: на год — \$1.00; на шесть месяцев — 50 центов

ОТДЕЛЬНЫЙ НОМЕР — 10 СЕНТОВ.

АДРЕС: Golos Truzenika, 3333 Belmont Ave., Chicago, Ill.

SUBSCRIPTION RATES: \$1.00 per year; 50c. per six months.

SINGLE COPY — 10 CENTS.

VOL. VIII. NO. 17.

MARCH, 1926.

PRICE 10c.

СОДЕРЖАНИЕ:

Статьи: Месяц великих революционных бурь. — К годовщине смерти П. А. Кропоткина. — Почему проиграна угольная забастовка. — Организация на месте производства.

Хроника рабочего движения: Франция. — Кризис революционного синдикализма. Голландия. — Второй конгресс Нидерландского Синдикалистского Союза.

Россия: Тюрьма и ссылка.

Жизнь организаций: И. Р. М.: Издательства над заключенными. — Результат референдума.

48-1231

МЕСЯЦ ВЕЛИКИХ РЕВОЛЮЦИОННЫХ БУРЬ

ПАРИЖСКАЯ КОММУНА

18 МАРТА 1871 Г.

«Да здравствует коммуна!» Под этот крик пролетариата проснулся Париж 18-го марта 1871-го года.

В мире впервые высоко взвилось знамя социальной революции, гордо и смело поднятое парижским пролетариатом. Политические дельцы, предатели свободы Франции, захватчики власти 4-го сентября, измenniки, лакеи Бисмарка бежали в этот день из Парижа в Версаль с разбитой армией, со старой, продажной, развращенной наполеоновской администрацией, куда за ними последовал весь блудный Париж, все эксплуататоры, ветхозаветные республиканцы и национальное собрание — это вместе с буржуазного сброда, «отрепья всех отживших систем», ковчег нечистых годов.

Перед униженной, разбитой, растоптанной сапогами пруссаков Францией представили два Парижа: Париж Коммуны, Париж вдохновленных борцов за славу, честь, достоинство и свободу народной Франции, за свободу всех трудящихся всех стран. Париж, одухотворенный творчеством нового мира, новых справедливых форм человеческого общества. И старый Париж, Париж Тьера, Жюля Фавра, Трошю, Галифе, Париж Версаля, Париж общественных воров, расхитителей народного богатства, шуле-

ров, кокоток, бульварных героев, раззолоченной швали, плантаторов, капиталистов и социально-протестуционного журнализма...

Два Парижа — два мира. Первый — мир труда, свободы, равенства, братства, будущее истстрадавшегося человечества; второй — мир кошмарного прошлого, звериного настоящего, рабства, эксплуатации, угнетения, мир отживший и обреченный историей на слом, на полное и беспощадное уничтожение.

Франция должна была выбрать один из них. Она выбрала первый. На общинных выборах в 35.000 коммун Франции, из 700 тысяч выбранных коммунальных советников, только 8.000 оказались приверженцами Версаля.

Лживое красноречие Тьера не обмануло народной Франции: он не нашел в ней активной поддержки и санкции на разбойничье дело. Но его клевета и обман усыпили революционную активность народной Франции. Тьер и его банда надули нацию и в союзе с Бисмарком разгромили Париж, поставив Францию перед фактом совершенного преступления. Коммуна погибла в крови... Палачи Тьера, с его благословения, устроили кровавую тризну...

«Множество тел было погребено на площади близ St. Jacques de la Boucherie, некоторые из них чуть-чуть прикрыты землей.

Днем уличный шум все заглушал, но ночью жилцы окрестных домов были разбужены глухими стопами, а на утро увидели сжатый кулак, высунувшийся из земли...

...Множество раненых было погребено за-живо»...

После двухмесячной героической защиты Коммуна пала под двойным ударом: измены и пруссаков...

Что же это за Коммуна, которая вызвала против себя все звериные инстинкты, всю звериную ненависть эксплуататоров, аристократов, умственных кастратов, цивилизованных дикарей, дегенератов, подлой золотой черни всего мира, рукоплескавших презренному Тьеру и развратному Галифэ?

Рожденная пушками пруссаков, изменой и предательством благочестивых и буржуазных патриотов, Коммуна заявила: пробил час, когда рабочие сами могут и должны спасти страну и взять в свои руки управление всеми общественными делами. Она с первого шага явилась воплощенным отрицанием не только монархии, империи, республики, но государства вообще и связанного с ним господства. Коммуна, будучи по природе рабочим учреждением, уничтожила правительство и власть, низведя их на степень администрации; она уничтожила могучее орудие господства и силы всякого государства—армию и полицию; уничтожила чиновничество и связанные с ним привилегии и жирные оклады и заменила его, выборными и по желанию населения сменяемыми, доверенными людьми, оплачиваемыми рабочей заработной платой. Она, экспроприировав церковное имущество и лишив церкви их доходов, уничтожила теократию, господство невежественных и развратных попов и монахов, заставив это черное «Христово воинство», эту «Иисусову пехоту» вести апостольский образ жизни. Она освободила школу от государства и церкви.

Коммуна олицетворяла собою полное отрицание государства и торжество самоуправления производителей. Она должна была сделаться политической формой самых маленьких деревушек и установить вместо метафизического, насильнического единства, реальное, свободное единство трудовой нации. Из всеобщего голосования, орудия обмана и угнетения масс при участии самих масс, она сделала орудие, прекрасно служившее на пользу пролетариату, организованному в коммуны. Одним словом, Коммуна хотела экспроприировать экспроприаторов, уничтожить государство, установить общественную собственность и свободный коммунистический труд. На место государства она ставила свободную федерацию 35.000 коммун — коммунизм, — из которой должно было произтечь есте-

ственное и реальное единство нации. Вот что означала собою Коммуна. Вот почему так яростно, так жестоко, так зверски, так подло расправились с ней буржуазные выродки; вот почему до сих пор подлые и трусливые буржуа всех стран с проклятием и ужасом вспоминают славные дни Коммуны... Но они должны были так расправиться с Парижем, ибо его торжество означало их политическую и социальную смерть, что для буржуа ужасней смерти физической. Но они должны знать, эти звероподобные буржуа, что нет им пощады в последний день их распыла...

За что буржуа проклинает Париж, за то самое рабочий благословляет его.

«Париж, затопленный кровью своих самых благородных сынов,—это человечество, пригвожденное к кресту сплоченной европейской международной реакцией с благословения всех христианских церквей и великого жреца неправды — Папы! Будущая же международная и солидарная революция народов будет воскресением Парижа!»

Этот Париж сделался руководящей звездой борющегося пролетариата, его вдохновителем и неисчерпаемым источником силы, мужества и решимости. И каждый год, в день 18-го марта, во всех уголках цивилизованного мира благодарные потомки вспоминают этот Париж, в этот день пролетарские сердца бьются согласной радостью, интернациональный рабочий мир молчаливо клянется отмстить за мучеников Коммуны, осуществлением их нетускнеющих заветов.

Распятая Коммуна живет!

ВЕЛИКАЯ РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 12 МАРТА 1917 Г.

Париж воскрес 46 лет спустя... Воскрес там, где три тяжелых, мучительных столетия царил самый подлый, самый отвратительный произвол... Хронос-крот хорошо и неумоимо рыл... И 11-ое марта 1917 г. было последнее воскресенье царизма, последней кровавой трезной его, ибо 12-го он уже умер и народ забил осиновый кол в его могилу, откуда ему больше не восстать...

Революция возникла на третьем году неслыханной мировой бойни в результате военных поражений. В силу особых, отличных от французских 1871-го года, условий, мартовская революция поставила перед собою противоположную Коммуне цель — мир.

«Мира, хлеба и свободы!» Вот клич петроградского пролетариата и России...

Истерзанное, измученное, истекавшее кровью человечество с надеждой обратило свой взор на Восток. Манифест петроград-

ского пролетариата о мире всего мира укрепил эту надежду. Манифест гласил, что борьба за мир есть первая цель победившего пролетариата. Однако, несмотря на все старания пролетариата, революция не оправдала возложенных на нее мировым рабочим движением надежд.

Бессильная, рыхлая, но жадная до империалистических захватов буржуазия, овладев властью, видела в революции лишь условия лучшего ведения войны, но не оружие мира. Бессильная, чтобы целиком овладеть революцией и использовать ее в своих интересах, не прибегая к посторонней помощи, она была достаточно сильна, чтобы дискредитировать революцию в глазах трудящегося Запада. Бесстыдные, подлые и гнусные, по обману масс, дипломатические ноты о мире господ Милюковых значительно подорвали доверие к революции и ее силам. Русские социалисты, добровольно пошедшие в «услужение» к пухлой, безвольной, тупой, глупой и бессильной отечественной буржуазии, каждый день, каждый час продавали интересы восставших масс, интересы революции.

Златоусты и кривляки из провинциальных адвокатов, вознесенные на гребень революционной волны с презрением третировали восставший народ, обзывая его «взбунтовавшимся рабом». Из вождей пролетариата, из вождей революции, они, не отказываясь от этой роли, превратились в защитников буржуазии, более активных, чем сама буржуазия. Восемь месяцев они обманывали революционную страну, восемь месяцев они занимались вкладыванием палок в колеса революции, восемь месяцев кормили они массу обещаниями, а иногда и свинцовым горохом, восемь месяцев оберегали буржуазию от сокрушительного напора масс, в течение этих месяцев они не могли, не хотели понять революции, ее истинных целей, ее причин; восемь месяцев они не хотели реализовать лозунг революционных масс: «Мир, хлеб и свобода».

Во имя спасения ожиревшей и ленивой восточной буржуазии, они готовы были вступать, и вступали, в заговоры против революции, против рабочих, солдат и крестьян. В интересах буржуазии, эти болванчики буржуазного манекен-театра, именем революции погнали солдатские массы под губительный огонь немецких пушек; ради буржуазии, но якобы в интересах революции, они ввели смертную казнь на фронте, в интересах, предаваемой ими, революции они стали на путь репрессий, охраняли землю феодалов-помещиков от крестьян, фабрики от рабочих, предлагая последним, ради их интересов, сократить свои аппетиты касательно заработной платы...

Они не хотели, не желали видеть и знать

социальной природы революции; они хотели своими хилыми, выхоленными руками удержать революцию на почве нерешительных, трусливых, медленных, жалких политических реформ.

И революция отмстила им. Задержанная искусственно энергия восставших масс, не находя выхода, прорвала плотину и смыла их, если не навсегда, то, во всяком случае, надолго; живой поток народной стихии очистил русскую землю от помещика, капиталиста и от служащих им. Родился Октябрь.

Октябрь воскресил Париж, а с ним и Версаль... Всероссийская коммуна вызвала в сто крат большую злобу и бешенство русских Тьеров, Трошю и Жюлье Фавров, в сто крат больше перепугала международную буржуазию, чем Парижская Коммуна.

Русский Версаль был многоликий и многоместный... Он был в Самаре, на Дону, в Архангельске, в Крыму, в Пскове, на Украине, в далекой Сибири и уральских степях... Патриоты-буржуа, хулиганы-черносотенцы и революционеры-народолюбцы во имя патриотизма, во имя революции, во имя спасения отечества, государства и собственности наводнили русскую землю иноземными войсками и с огнем и мечем шли на революционную Русь.

Но судьба не судила никому из них разыгрывать роли Тьера и стяжать лавры Галифе, хотя они наделали мерзостей не меньше, чем эти два буржуазных изувера... Всероссийская Коммуна раздавила их и выбросила вон.

И не нам жалеть об этом.

Так бесславно кончилась революция буржуазная, которая для нас важна, как начало революции пролетарской.

КРОНШТАДТСКАЯ КОММУНА 2-18 МАРТА 1921 Г.

Когда народ торжествует, буржуазия трепещет.

И было отчего трепетать, было что ненавидеть, было отчего приходиться в звериное бешенство: воскрес Париж! Воскрес и овладел одной шестой частью земного шара, умом и сердцем 150 миллионов рабочих и крестьян, которые беспощадно, с варварской безжалостностью низвергали и разрушали старые кумиры, старые, привычные, удобные, покойные социально-политические основы... Нет больше государства, а есть Совет, который должен стать политической формой самой маленькой деревни! Нет частной собственности и нет собственника, а есть общественная собственность, вольная фабрика-коммуна и фабрично-заводской комитет должен сделаться экономической формой — синдикализм! Нет армии, ее заменила красная гвардия, то-есть

вооруженный рабочий и мужик! Нет помещика-плантатора, остался трудовой мужик и кооперированное земледелие, которое должно было вытеснить кулацкий индивидуализм крестьянина! Нет полиции, нет суда, нет свода законов, церковь ранена смертельно. Рассадники буржуазной, лживой, затхлой, изуверской морали — школа и университет раскрепощены!..

Начала строиться Всероссийская Коммуна без бога, без царя и без хозяина...

Стопроцентная буржуазия, буржуазия с социалистическим насморком, социалистическая слякоть, помещик, аристократ, барынька «высшего света», «литературные цыгане» и пр. и пр. сброд «имена ты их, Господи, веси», образовали «не большую, но теплую компанию», которая ударила любовой атакой на революцию, на рабочих и крестьян. Узколобые, они еще не додумались то той иезуитской «истины», что народ можно победить подделываясь под него...

Не то большевики! Они, если не знали, то инстинктивно понимали эту истину и они оказались победителями народа-победителя. Конечно, этой победе содействовал русский Версаль, претенденты на роль Тьера и Галифэ. Не будь Версаля, большевики не смогли бы так безнаказанно распинать революцию для блага революции. Версаль помог им в издевке над народом, над революцией: «мы убиваем тебя для твоего же блага»...

Но дело здесь не только в Версале. Оно гораздо глубже. Дело в государственном социализме, в марксизме. Большевики распинали революцию, терзали народное тело не только по вине Версаля, и не потому, что были ложными вождями-изменниками. Нет, совсем не по-этому... Они хотели добра народу, но они государственники и поэтому боялись народа, не доверяют ему и все хотят делать сами за народ для народа. Они безумно требовали, чтобы развитие народа, его социального творчества совершалось не по неведомым им социологическим законам, неподдающимся их контролю, а по определенной заранее выработанной формуле и в определенных формах. И они с храбростью Дон-Кихота и жестокостью Торквемады вгоняли творческий дух народа в мертвые формы, беспощадно обрубая все, что не входило и не вкладывалось в них. Они заставили уверовать в нового, хотя и в трех лицах, — централизм, диктатура, терроризм — бога, в государственный социализм, как в единоспасующую силу, как силу страшную для врагов Коммуны трудящихся. Но под эту силу попали не только враги, но сама Коммуна, сама революция и Его Величество Пролетариат Всероссийский.

Святая троица—сущность государственного социализма. Она раздавила Всероссийскую Коммуну, убила революцию. И поскольку эта троица есть сущность всякого государства, — а логика государства всегда логика буржуазная, плантаторская, угнетательская, — постольку, естественно, и приверженцы социалистического государства из друзей народа неизбежно делают его заклятыми врагами. Это случилось с большевиками. Внешние причины, как гражданская война, лишь ускорили процесс этого превращения.

Нужно знать, что большевики пошли за массами и разрушали вместе с ними государство не потому, как утверждают их враги справа, что хотели разрушить, а потому что хотели его спасти, спасти его принцип, который позволил бы построить новое государство. Каждый выстрел белогвардейца давал им причину и повод к ущемлению и ограничению революции во славу государства. И на месте старого полицейского государства выросло новое с могучей армией, с полицией, шпионами, судами, тюрьмами, законами, палачами. Последний белогвардейский выстрел означал, что здание нового государства закончено.

Так из творческого революционного «хаоса» родилась мертвая полицейская система — Государство, творцом его был марксизм.

Что не смогли сделать буржуазия, ее прихвостни и развратный белогвардейский сброд, то сделали коммунисты-марксисты. Они взнуздали Россию, растрлили ее, привели к покорности и сковали цепями политического рабства и экономической эксплуатации. Они победили революцию, презренную роль версальцев они присвоили себе. Марксизм стал, в образе большевиков, воплощением контр-революции самой наглой, самой подлой, самой дерзкой и бесчестной. Поверженная ниц, закованная в цепи красного деспотизма, пытаемая в застенках и распинаямая на кресте Россия затихла, примолкла...

И вдруг, среди кладбищенской тишины раздался мощный клич: «К оружию, Россия, Октябрь погиб!»

Матросский, красноармейский и рабочий Кронштадт восстал на защиту октябрьской коммуны. Но распятая Россия не могла прийти к нему на помощь... Кронштадт разделил участь Парижа... Ленина разогнал на съезде партии роль Тьера, а Троцкий, под стенами Кронштадта, — роль Галифэ...

«Народ убедился, писали коммунары-мученики, что большевистский коммунизм — это комиссародержавие плюс расстрелы».

В день рождения Парижской коммуны, погибла коммуна Кронштадта. Расстреляны люди, идеи живут... Мертвецы Кронштадта, как и мертвецы Парижа, будут творить дело живых...

Кронштадт — это последний вздох русской революции, ее завет. Коммуна Кронштадта не успела развернуть своей программы, 16-ти дневное существование слишком малый срок для этого, но она успела сказать, что вольный совет должен быть политической формой самой маленькой деревни, а фабрично-заводской комитет экономической формой вольной фракции-коммуны.

Эти идеи, орошенные обильной кровью борцов, дадут пышные всходы... Бега времени остановить нельзя, час двенадцатый пробьет... Над миром и распятой Русью взойдет социальная заря, тогда кровь праведников послужит лучшим цементом новых вольных общественных форм.

Слава погибшим!..

Спите спокойно, безвестные, храбрые солдаты народной революции, вы честно служили ей и ваше «дело всегда ответится на поколениях живых». Придет время и благодарные потомки разыщут ваши могилы и украсят их цветами.

Г. Максимов.

К годовщине смерти Петра Алексеевича Кропоткина

(8-го февраля 1921 года*).

ВСЕ русские и международные анархисты нашего времени — духовные дети Кропоткина. Как бы они не уклонялись в ту или другую сторону, на какие бы фракции не делились, в **начале** анархического развития каждого, в **источнике** его анархической мысли всегда лежат идеи именно Кропоткина. Бакунин был основоположником современного анархизма: он слил теоретический анархизм Прудона с живым рабочим движением Интернационала 60-х годов; он широко развил и обосновал критику государственности и идею федерализма. После Бакунина, после Юрской Федерации, анархическая идея уже не могла исчезнуть, затеряться среди других направлений социализма: ее будущее было обеспечено.

Но поколения позднейшие выросли не под влиянием Бакунина, а под влиянием Кропоткина. Возьмем в частности русский анархизм, начиная с тех анархистов, которые, после долгого промежутка почти безраздельного царствования социал-демократии, взяли на себя инициативу перенесения анархической пропаганды, анархического движения из Западной Европы в Россию. И они, и все позднейшие группировки русских анархистов, выросли не на идеях Бакунина, а на идеях Кропоткина. От Бакунина их отделяло не только время, но и совершенно иная постановка вопросов в социалистическом движении в эпоху Интернационала и в конце XIX-го века и начале XX-го.

В первом Интернационале социализм еще во многом был един, его деление на две непримиримые ветви только начиналось; многое еще оставалось в тумане. К концу 70-х годов — и чем дальше, тем больше — несовместимость многих понятий, уживавшихся в прежнем социализме, стала очевидной и потребность в **последовательном** анархическом миросозерцании назрела, как назрела такая же потребность и в противоположном лагере — социаль-демократии. К этому времени как раз относится выступление Кропоткина, основанного в 1879 году в Швейцарии газету «Rèvolté» и начавшего в ряде блестящих статей освещение принципиальных и практических вопросов анархизма*). Но рядом с задачей выработки последовательной системы взглядов стояла и другая. Наша эпоха требует от всякого социалистического миросозерцания, чтобы оно было научно обосновано, и то обоснование, которое мог дать в свое время Бакунин уже не могло удовлетворять людей нового поколения. Бакунин, как и Маркс, был воспитанником гегельянства, метафизической философии, человеком 40-х годов; между ним и поколением конца 19-го века легла знаменательная эпоха 60-х годов, эпоха расцвета естествознания после Дарвина; эпоха, когда появился целый ряд новых наук и изучение человеческого общества стало на совершенно новый путь. Кропоткин был воспитанником как раз **этой** эпохи, этой естественно-научной мыс-

*) Данная статья тов. М. Корн не могла появиться в февральском номере в виду того, что была получена поздно. Номер уже находился в печати. Редакция.

*) Из этих статей составилась впоследствии „Речи Бунтовщика“ — настольная книга западно-европейского анархизма.

ли, проложившей и все дальше прокладывающей себе путь во все отрасли человеческого знания. Он мог дать и дал анархизму то теоретическое научное обоснование, которого требует современная мысль; у него же черпали мы все и ответы на животрепещущие вопросы общественной жизни. С Кропоткиным анархизм становится цельным мирозерцанием, имеющим свою философию (социологию и этику), свой определенный общественный идеал, свои методы борьбы за него, свои организационные принципы. Это — здание, из которого нельзя безнаказанно вынимать камней; органическое целое, которое не поддается калечению. То течение, которое захотело бы построить анархизм помимо **главных** черт мировоззрения Кропоткина, неизбежно впадет в ряд внутренних противоречий. К сумме взглядов Кропоткина плохо приложимо слово «система», потому что с «системою» всегда связано что-то мертвое, искусственное, сухое; мировоззрение же Кропоткина целиком вытекает из действительности, из реального, глубокого знания человеческой жизни и человеческой истории. Это — не система, это скорее — синтез, обобщение, дающее удовлетворение самой строгой жажды последовательности и гармонии.

Свое мировоззрение Кропоткин развил в ряде статей, брошюр и книг, которые отличаются тем, что продуманность и серьезность мысли сочетаются в них с самою доступною и привлекательною формою. Кропоткин писал не для избранных, а для **всех**, и самые научные его работы, высоко-ценяемые специалистами учеными, написаны вполне общедоступным языком. Они не нуждаются, поэтому, в изложении, и вместо такого изложения мы предпочитаем обратить внимание товарищей-читателей на то, каким образом распределяются по богатому литературному наследию, оставленному нам Кропоткиным, различные стороны его мирозерцания.

В наиболее известных из его книг, в «Речах бунтовщика» и в «Хлеб и Воля», вопросы научного порядка едва затронуты: они посвящены критике существующего строя, разработке нового общественного идеала, рассмотрению препятствий на пути к его осуществлению, выбору средств борьбы с ними. В них, а также в ряде позднейших брошюр, мы находим обоснование и развитие дорогой для Кропоткина идеи о **свободном** коммунизме, в противоположность коммунизму манастырско-казарменного типа, о котором мечтали раньше социалисты и который отталкивал от идеи коммунизма свободные умы. Кропоткин первый показал, какое значение имеет для

свободного коммунизма принцип распределения продуктов, и выяснил, что этим принципом может быть только распределение **по потребностям**, единственно совместимое с строем, где обобществлены не только средства производства, но и все общественное богатство. Чем будет экономический строй нового общества — зависит от того, какие экономические тенденции существуют уже в нашем, теперешнем обществе: справедлива-ли теория концентрации капитала, каковы перспективы развития земледелия, как может быть усовершенствован и облегчен, благодаря техническим возможностям, человеческий труд вообще? Ряд ответов на эти вопросы дает нам в своей книжке «Поля, фабрики и мастерские», написанной, к сожалению, задолго до революции, а потому применительно не к русским, а к западно-европейским условиям экономической жизни. Но и из этих исследований на не-русской почве Кропоткин делает целый ряд выводов, ценных и для России; внимательному читателю, пережившему русскую революцию, предстоит самому перенести эти выводы на русскую почву.

До русской революции написан и большой исторический труд «Великая французская революция», но этого читатель совершенно не чувствует. Повидимому, законы всех революций, всех народных движений — одинаковы, и тот, кто читает или перечитывает эту книгу теперь, на каждой странице легко подставляет русские события под французские. Изучение великого исторического периода конца 18-го века дало Кропоткину цельный и определенный взгляд на то, кем и как делаются революции и чем может быть обеспечена прочность революционных завоеваний. В этой книге, несмотря на ее строгую историческую научность, целые сокровища ценных указаний для выработки **методов** революционной борьбы в будущем; она, одновременно, и научное исследование и революционная программа. И **в настоящую минуту**, из всех произведений Кропоткина, она, может быть, — самое современное.

Другой исторический труд Кропоткина — «Государство и его роль в истории» — посвящен разбору взаимных отношений между **обществом и государством**; вопреки общепринятому мнению, доказывает на ряде примеров, что эти два понятия не только совпадают, но противоположны, что общественная жизнь всегда развивалась самостоятельно, а государство лишь ставило ей препятствия, накладывало на нее путы, разрушало ее, стремясь к властвованию над рассыпленною человеческою массою, которую оно не допускало ни к какому свободному, добровольному об-

единению. — Здесь систематический исторический анализ Кропоткина дополняет широкую критику государственности Бакунина.

Выше мы говорили о том, что введением в теорию анархизма естественно исторического метода — без чего невозможно, при теперешнем состоянии знаний — построение действительно-научного общественного мирозерцания, мы обязаны Кропоткину. Обоснование анархической философии на данных, добытых изучением природы, мы находим как в его «Анархия, ее философия, ее идеал», так и в позднее вышедшем его сочинении «Современная наука и анархия»; в эту последнюю, рядом с теоретическими и философскими соображениями, вошел и ряд очерков по истории социализма разных течений, показывающий нам историческую преемственность анархизма и его место среди других социалистических школ.

В отличие от метафизической философии, которая ставит отвлеченный принцип, а затем делает из него логические выводы и этим удовлетворяется, естественные науки имеют дело с реальными предметами, реальными существами, и изучают только их: химические реактивы, микроскоп и телескоп не годятся для изучения отвлеченностей. Отвлеченные идеи, обобщения являются лишь после: из сравнения и сопоставления собранных реальных фактов, причем естествоиспытатель никогда не забывает, что его обобщение — не более как понятие, которое помогает нашей умственной работе, которое необходимо для нас по самой природе нашего ума, но самостоятельного, реального существования оно не имеет. Этот метод мышления, метод **индуктивный**, идущий от частного к общему, свойственен и естественным наукам в отличие от **дедуктивного** метода отвлеченной умозрительной философии. Чтобы построить науку о человеческом обществе, нужно, следовательно, изучать те реальные существа, из которых всякое общество состоит, то-есть людей — и не отвлеченного человека вообще, а людей, живущих или живших в определенную историческую эпоху, в определенной стране, в определенных условиях. Целые новые науки создались, когда человеческий ум почувствовал необходимость подойти к вопросу именно с этой стороны: антропология, этнография, археология, сравнительное языкознание, история религий, история общественных учреждений, экономических форм и проч. и проч. Изучать стали не только современного цивилизованного человека, но и его первобытных предков, и живущие еще и теперь дикие народы; эти работы пролили новый и неожи-

данный свет на многие стороны нашей жизни, показав, откуда и как они произошли. Многие методы рушились: выяснилось, например, что человеческое общество произошло не от того, что среди беспорядочной толпы явился вдруг вождь и привел все в порядок, положив таким образом начало государству; не образовалось оно и путем договора между людьми, которые в один прекрасный день нашли вдруг, что выгоднее жить обществами, и объединились. Общество существовало в человечестве **всегда**, даже раньше самого человека, еще у его обезьяно-подобных предков, и не будь его, эти предки, может быть, никогда не выработались бы в настоящего человека. Кропоткин понял, какое громадное значение имеют эти факты, добытые новыми науками; из них он сделал в своем труде «Взаимопомощь среди животных и людей» необходимые для нас выводы о том, на чем основано существование всякого общества — первобытного и цивилизованного — и что связывает людей между собою.

В мирозерцании коммунистического анархизма есть одно как-будто бы внутреннее противоречие, с которым не так то легко справиться: свободный коммунизм есть высшая форма общности, требующая большой солидарности, тесной связи между людьми; с другой стороны мы не признаем никакого внешнего давления на личность; как же примирить интересы личности с интересами общества, на что рассчитывать для создания возможного общества? Если мы будем считать, что человеку свойственны только узко-эгоистические инстинкты, а общество — искусственная организация, созданная для подавления и упорядочения их, из этого противоречия выхода нет; единственно последовательными анархистами явятся индивидуалисты. Но факты, добытые начиная с половины 19-го века благодаря изучению различных человеческих обществ и даже жизни животных, выводят нас из этого тупика и подсказывают вывод, который вполне ясно и определенно сделал Кропоткин: **потребность жить в обществе, стремление сохранить это общество, не менее свойственны человеку, чем физические потребности его организма**; для этого не нужно над ним никакого внешнего давления. В этом — источник всей общественной жизни, в этом же и источник **нравственности**, неразрывно связанной с общественностью. Что заставляет человека поступать так, а не иначе? Если он отвергнет предписания религии и идею о долге, предписанном ему какою-то вне его стоящею силою, то что ему останется? Не превратится ли он в нравственное чудовище,

попирающее ногами чужие интересы, чужую жизнь во имя своего удовольствия? Едва ли нужно говорить о том, как важны эти вопросы не только в теории, но и на практике, особенно в революционной среде, где отвергается «буржуазная мораль», но не всегда людям легко бывает разобраться, что в этой морали буржуазно, а что просто — человечно.

Вопрос о происхождении и сути нравственности занимал Кропоткина всю жизнь и в последние годы он работал почти исключительно над ним; ему посвящен его труд об «Этике», вышедший уже после его смерти*). Еще раньше основные его мысли были высказаны в брошюре «Нравственные начала анархизма». Источник нравственности, говорит Кропоткин, не вне человека: он — **внутри** его. «Каков бы ни был поступок человека, какой бы образ действий он не избрал, он всегда поступает так, повинувшись потребности своей природы... Искать удовлетворения потребности, избегать того, что мучительно, таков общий факт (другие скажут «закон») жизни. В этом — самая сущность жизни. Без такого искания удовлетворения жизнь стала бы невозможною». Это не значит, конечно, что раз все вытекает из потребности, то все — одинаково хорошо и нужно и нет ни добра, ни зла; в природе существуют, например, разные запахи, все одинаково естественные, но одни из них для нас приятны, другие отвратительны; точно также нас возмущают некоторые поступки людей и привлекают другие, которые мы, поэтому, считаем хорошими. Не считать того, не одобрять и не порицать мы также не можем, как не можем не различать запахов: это — не менее естественно. Взгляды на то, что хорошо и что дурно — не одинаковы у разных народов и в разные времена, но «на какой бы низкой ступени умственного развития не стоял человек... он всетаки считает добром то, что полезно обществу, в котором он живет, и злом — то, что вредно этому обществу». Как произошло такое понятие — нетрудно себе представить: в суровых условиях борьбы за существование человек видел, что его единственная защита — крепкий союз со своими сородичами и что без этого союза он не может сопротивляться враждебным силам природы. Он приучался, поэтому, ценить все то, что делает этот союз более прочным и порицать и преследовать то, что его нарушает. Самым пер-

вым и необходимым условием общезнания является — даже в самых первобытных обществах — **справедливость**: каждый человек необходимо должен быть уверен, что его жизнь и его интересы будут облегчены наравне с другими и что, если он помогает своим собратьям, то и они в свою очередь помогут ему в трудную минуту. В своей «Этике» Кропоткин подробно останавливается на том, что в основе этого понятия о справедливости лежит — сознательно или бессознательно — понятие о **равенстве** людей между собою, о том, что люди — **равноценны**; мы не можем останавливаться здесь на этой идее, но интересно все таки указать на то, что здесь, в этом именно пункте сходятся требования нравственные с требованиями социальными: справедливое отношение к другому естественно переходит в требование общественного строя основанного на равенстве.

Но справедливость и равенство — еще не высший идеал: люди и теперь уже идут дальше их и дают другим гораздо больше чем получают от них. Если бы человеческое общество, замечает Кропоткин, не знало ничего, кроме строгой справедливости, оно не могло бы существовать: потребность действовать, прилагать свои силы, помимо всякого расчета, и чем больше и энергичнее он действует, тем больше развивается у него и эта потребность. Трата сил — необходимое условие жизни, «жизнь может поддерживаться только расточаясь». Поэтому-то человек и **дает не считая**, поэтому-то и существует в человечестве высокие подвиги самоотвержения, громкие и тихие. Собственно, здесь только и начинается, по мнению Кропоткина, настоящая, **истинно-человеческая нравственность**; по мере развития человечества, по мере того, как жизнь его будет облегчаться и естественные проявления внутренних сил человека будут встречать меньше препятствий, эта истинная нравственность все больше будет входить в его ежедневный обиход и становиться привычною.

На этом мы кончим. Мы не имели в виду излагать хотя бы в общих чертах систему взглядов Кропоткина; мы хотели только показать, каким запросам нашего ума и нашей души отвечают они. Добавим еще одно: теоретическое мирозерцание было для Кропоткина не только делом его ума, как это бывает вообще для ученых и философов: оно было делом его жизни. Что значит «давать не считая», что значит «жизнь, которая поддерживается тем, что расточается», что значит щедро рукою сеять сокровища ума и сердца — лучше всего нам показывает его собственная жизнь.

М. Корн.

*) Вышедший том составляет только первую часть — критику существовавших и существующих философских систем; второй том, в котором должны были быть изложены собственные взгляды Кропоткина, остался неоконченным.

Почему проиграна угольная забастовка?

Угольная промышленность — нерв современного производства. Уголь — это то, без чего может замереть вся промышленность страны. Когда уголекопы приостанавливают работу, то, несмотря на запасы угля, в капиталистическом мире начинается тревога и нервность. И это понятно, большие забастовки для капитализма опасны, ибо нет гарантии, что из таких забастовок не родится революция, которая положит конец господству системы эксплуатации, грабежа и насилия. Пусть забастовка ведется неревolutionными средствами, пусть ее ведут «вожди» пролетариата, которые по имущественному положению стоят вне своего класса, и которые никогда не доведут дело до революции, тем не менее забастовки опасны. Ведь забастовка — это практическая школа классовой борьбы; в процессе забастовки ярко вскрываются противоречия интересов рабочих и капиталистов, на стороне которых стоит государство со всеми видами силы и принуждения; нет уверенности, что эти обнаженные противоречия, которые в обычное время затухиваются, не толкнут рабочих на путь самой решительной борьбы не против данного капиталиста, а против капитализма вообще. Капиталисты прекрасно это понимают и, конечно, принимают меры, которые могут такую опасность предотвратить. Как же они это делают? Есть две, так сказать, партии капиталистов: партия капиталистов-дураков, реакционеров и партия умников, хитрецов, прогрессистов.

Первые — остальные элементы капиталистической банды, непонимающие духа времени и действующие по «старинке». Они против рабочих организаций и принимают на работу только неюнионных рабочих. Эта тактика обычно приносит не те результаты, которых хочет эта часть капиталистов-разбойников.

Другая часть действует иначе. Она вполне понимает веяние времени и потому открытой борьбы с рабочими организациями не ведет. Наоборот, она стремится даже поддерживать их кое в чем с тем расчетом, чтобы сделать их ручными, чтобы рабочие организации не выходили за пределы, установленные законами, за пределы реформы и частичных требований. Они стремятся лишь к уничтожению революционных рабочих организаций, которые насквозь видят их затаенные намерения. Эта часть капиталистической банды ста-

рается быть «покладистой», стоять формально на почве закона и требовать от рабочих не только того же самого, но и борьбы против тех организаций рабочего класса, как, например, I. W. W., которые правильно усматривают во всей их законности ничто иное, как грубый обман... Такой ручной организацией является в Соединенных Штатах Американская Федерация Труда, со всеми ее ответвлениями, которой покровительствуют и капиталисты и их трест — государство. Американская Федерация Труда в руках капиталистов — прекрасное оружие против рабочего класса. Недавно окончившаяся стачка пенсильванских шахтеров является великолепной иллюстрацией к высказанным нами соображениям.

Бастовало 156.000 уголекопов; забастовка длилась неимоверно долго — 165 дней. Забастовка протекала в рамках законности. На «помощь» рабочим желали прийти губернаторы, парламентарии и даже сам сэр Кулидж. Для отстрастки переговоров о национализации шахт; однако, это не пугало угольных королей, ибо все эти угрозы по их адресу делались с их же согласия, ибо это удерживало шахтеров от активных выступлений, так как они принимали угрозы за чистую монету, и вселили в них веру, что разглагольствования, угрозы и махание картонным мечем их «вождя» Льюиса дадут желательные результаты.

Ну, а капиталистам только этого и нужно было; им нужно было, чтобы союз уголекопов растратил свои огромные фонды, чтобы он обнищал, им нужно было, чтобы стачка протекала мирно и как можно дольше. Почему? Потому что они от нее только выигрывали: они повысили цены на уголь, повысили цены на продукты первой необходимости, обессилили организацию союза шахтеров лет на 20, по заявлению сэра Дейвиса, они распродали запасы угля, устранили кризис за счет рабочих. Если им нужно будет после забастовки затратить 160.000.000 долл. на ремонт, так это составляет всего лишь сумму однодневной заработной платы всем шахтерам, а это в 165 раз экономнее, чем безостановочная работа в шахтах.

Что получили рабочие? Голод, нищету, ту же самую заработную плату, те же самые ужасные условия работы (благодаря неустойчивости уже убито три шахтера), потеряли все сбережения стачечной кассы, обессилили союз на 20 лет. Теперь снова

начнут накапливать огромный стачечный фонд, чтобы снова также бесполезно его промотать.

Так действуют и такие результаты получают все реформистские союзы, выигрывают только вожди.

Конечно, картина была бы иная, если бы рабочие не были законопослушным стадом в руках своих вождей, которые в свою очередь находятся в руках капиталистов, а были бы самостоятельны, активны и вооружены революционными средствами борьбы, если бы вместо болтовни, разговоров в соглашательских комиссиях, применили прямое действие, как это сделали их канадские товарищи, применившие тактику I. W. W. и ставшие в их ряды. Помимо прямого действия такая

огромная организация шахтеров могла бы призвать и организовать всеобщую стачку углекопов в стране и организовать солидарность иностранных товарищей. Тогда бы стачка была не грустной комедией, а грозным явлением, которое принудило бы господ капиталистов бросить игру в дурачки.

Из этого опыта рабочие должны вывести правильные заключения, которые легли бы в основу их борьбы в будущем: прямое действие, перемежающиеся стачки, всеобщность стачки, международная солидарность. Если рабочие не вооружатся этим оружием революционных организаций, какими являются I. W. W. и анархосиндикалисты, они всегда будут биты своими хозяевами.

— М.

Организация на месте производства

РАБОТА над каким либо предметом или участие в уже начатой работе, идущей по определенному плану, будь это в фабрике, в заводе, в организации и т. д., вещь не трудная и легко поддающаяся усвоению. Иначе обстоит дело, если для начала работы требуется инициатива. В этом отношении особенно плохо обстоит дело с работами организационными, с работами в рабочих объединениях, где именно требуется особое проявление самостоятельности со стороны рабочих на пользу общую. Например, всем известно, что организация рабочих абсолютно необходима для улучшения условий труда, что организация — единственная вещь, которую мы должны иметь и на которую мы действительно можем рассчитывать в повседневной борьбе. Везде, где есть организация, положение рабочих в большинстве случаев лучше, нежели там, где организации не существует. Одно это должно было бы быть достаточно убедительным для каждого рабочего, что условия труда улучшаются посредством организации. Большинство современных рабочих не возражает против этого. Они признают это за факт; но между признанием факта и деятельностью большая разница. Можно на каждом шагу соглашаться с тем, что организация полезна для рабочих, и ничего не предпринимать для создания таковой или же для ее укрепления. К сожалению, в большинстве случаев так, именно, дело и обстоит. Почему? Ответ прост. Потому что, как показывает опыт, подобная деятельность должна протекать в царстве, подвластном про-

мышленным королям, на месте производства. Начать организационную деятельность в предприятии, значит, привлечь внимание хозяйского сыщика, значит, заручиться его ухаживанием за тобой и в результате — получить расчет. В некоторых местах рабочих, ведущих агитацию за объединение, считают весьма опасными и заносят на черный лист. Вот почему лишь сравнительно немногие обладают достаточной решимостью, чтобы, несмотря на преследования, вести нужную работу организации.

На первый взгляд многим товарищам кажется, что пропагандируемая Индустриальными Рабочими Мира идея ведения, расширения и углубления повседневной борьбы на местах производства за улучшение условий труда, увеличение заработной платы и за сокращение рабочего времени является слишком элементарной, неревolutionной, неважной. На самом деле это далеко не так. В действительности это одна из важнейших и самых трудных работ, так как для ведения ее нужно прямо и открыто вступить в борьбу с коренным злом труда — эксплуатацией и самой системой капитализма, ударяя заодно и государство со всеми его реакционными учреждениями. Находясь на изрядном расстоянии от фабрики и господствующих в ней условий, не требуется быть слишком большим революционером, чтобы вести философские рассуждения на тему об устранении из нее хозяина и ее превращении в общественную собственность. Это самое что ни есть легкое и безопасное занятие. Совсем иначе обстоит, когда вы находитесь

на работе. Там, раньше чем вы можете сказать своему сотоварищу по работе, как вы намерены повести дела после устранения хозяина и свержения капиталистической системы, вы должны еще разбить иллюзию и наивную веру в полезность существующей системы, которыми пропитаны до мозга костей многие заурядные рабочие, до сих пор еще готовые целовать руку своего эксплуататора.

Многие рабочие, не только самые отстающие и покорные рабы капитализма, всегда охотно и даже с энтузиазмом, принимают всякое улучшение или увеличение заработной платы. Если это случается помимо действия организованной силы пролетариата, то в результате этого увеличивается раболепие и вера в добродетель капиталистов; если же это достигается посредством организованной силы трудящихся, то результат в таком случае противоположный — рабочие начинают сознавать таящуюся в их рядах мощь, становятся смелее и решительнее.

Отвлеченные рассуждения о будущем царстве свободы порождают неправильное понятие о том, что существует теперь, и о том, что должно быть после устранения современщины. Систематическая же организационная работа приводит к иному, более положительному, сознательному выводу, то-есть у рабочего мало-по-малу складывается понятие, что раньше, чем он может завоевать себе лучшую жизнь, он должен организоваться там, где он имеет силу — в местах производства, — а организовавшись начать борьбу за достижение

того, что скорее всего может быть добыто.

Говоря об организации, следует знать, что есть организации с различными формами и целями. Но я имею в виду действительно рабочий союз, — И. Р. М., — который, в противовес политическим партиям и реформистам, на протяжении всего своего существования вел и ведет работу и борьбу на пользу пролетариата.

Если вы действительно хотите делать что-либо для изменения существующего порядка вещей к лучшему, то мы предлагаем вам следующий план: организуйте по возможности большее количество рабочих на месте производства; после этого созовите митинг для обсуждения вопроса, что более всего необходимо сделать на этой работе и имеются ли благоприятные условия для успешной борьбы за сокращение рабочего дня, увеличения заработной платы и пр., что может быть достигнуто посредством организованной силы, находящейся в вашем распоряжении. Если вы объединитесь на общем плане действия, возвращайтесь к работе с целью проведения вашего решения в жизнь, помня, что никто, кроме вас самих, не сделает этого. Вы, занятые в производстве, больше знаете свои нужды и те улучшения, которые должны быть сделаны, чем кто-либо иной, находящийся вне непосредственной связи с производством. Вы должны быть уверены, что никто, кроме вас самих, не заинтересован в вашем благополучии; вы знаете чего хотите, и вы должны знать как добиться желаемое.

В. Хомич.

Хроника международного рабочего движения

ФРАНЦИЯ.

Кризис революционного синдикализма.

В воскресенье 31-го января состоялась конференция Федеративного Объединения Автономных Союзов Франции (U. F. S. A.). Это третья конференция Объединения со дня его возникновения (ноябрь 1924 года).

Как на прежних конференциях, так и на этой, главным вопросом был вопрос существования объединения: „быть или не быть?“ Созданное в минуту отчаяния, когда яснее всего было, что ни реформистская Конфедерация Труда, ни Унитарная Конфедерация, идущая на поводу русских и французских коммунистов, не в состоянии будут воссоздать революционное единство французского пролетариата, Федерация автономных профсоюзов Франции делала надежду, что ей удастся стать тем ядром, вокруг которого мало-по-малу объединятся все искренние элементы революционного синдикализма.

Надежда эта оказалась тщетной. С первых же дней, два огромных тормоза мешали развитию Федеративного Объединения. Во-первых — уклончивое отношение к нему со стороны Федерации Строительных Рабочих. Федерация эта с давних пор являлась оплотом самых лучших сил революционного синдикализма во Франции. Количество одна из самых крупных организаций, качественно — самая революционная организация, всегда возглавляемая самыми серьезными работниками, проникнутыми анархическим мировоззрением; присоединение ее к Федерации Автономных Союзов было бы огромным толчком к сплочению всех автономных сил. С другой стороны, отказ ее от такого присоединения был основной причиной того, что целый ряд иных самостоятельных союзов, разбросанных по Франции, также воздержался от организационной связи с U. F. S. A. Таким образом последняя, будучи обезкровлена теми, от которых она ожидала уси-

ления своих рядов, вынуждена была влечь жалкое существование от конференции до конференции.

Но имеется еще и другая причина этой безжизненности; эта причина — внутренняя противоречия самой U. F. S. A.

На учредительной конференции, 1-го ноября 1924 г., было категорически заявлено, что создание нового объединения отнюдь не должно означать создания *третьей* Конфедерации Труда. Это заявление неминуемо вело к *бездействию*, ибо малейшее развитие деятельности U. F. S. A. вызвало немедленное подозрение в присваивании функций национального объединения профсоюзов. Для того, чтобы оградить себя от всяких поползновений в этом направлении, было решено никаких членских взносов не взымать. Мелкие расходы покрывались единовременным взносом в размере 2-х франков за членскую карточку (с ежегодным возобновлением ее) и 20-ти франковым вступительным взносом от каждого примыкающего профсоюза.

Само собой разумеется, что такая форма распылчатой связи, не имеющей даже возможности мало-мальски проявлять свою дееспособность, была осуждена на прозябание. Этим и объясняется, что состоявшаяся 31-го января конференция вновь поставила ребром вопрос о своем дальнейшем существовании.

На конференции присутствовало 34 профсоюза, из которых 12 имели совещательные или информационные мандаты; остальные же 22 пользовались решающим голосом. Эти жалкие цифры красноречиво говорят о том тупике, в который революционные синдикалисты Франции в настоящее время зашли.

В своем отчете о деятельности Исполнительного Комитета U. F. S. A., тов. Бэнар затронул те трудности, которые не давали возможности Объединению развить свою деятельность и стать прочно на ноги.

Отчет казначея устанавливает, что хотя в течение 1925 года и были выданы 7,600 карточек, но лишь только за 2,900 получались 2-х франковые взносы. За 1926 год распределено лишь 3,440 карточек, из которых оплачено только 1,110.

Как отчет казначея, так и отчет секретаря говорили о тяжелых условиях существования центрального органа: они дали ту фактическую окраску, которая вполне соответствует переживаемому всем движением кризису.

Конференция перешла к обсуждению основного вопроса порядка дня, выслушав предварительное заявление нескольких союзов, что если U. F. S. A. продолжит свое существование и свою „деятельность“, как до сих пор, то они вынуждены будут выйти из ее состава.

Все делегаты высказались за продолжение существования объединительного органа автономных профсоюзов Франции. Но вероятно такое желание продолжать „тянуть лямку“ объясняется одним: никто не решается взять на себя ответственность за самоубийственный акт.

Сам Исполнительный Комитет имел план реорганизации U. F. S. A., который он и предложил конференции. Предложенная им схема строительства профсоюзов, кратко, заключает следующие пункты:

Основной ячейкой профсоюзной лестницы является фабрично-заводской комитет. Потом следуют местные союзы, местные объединения союзов, затем областные объединения (при разделении Франции на 5 областей) и Национальный Комитет, состоящий из делегатов от каж-

дой области. Параллельно с этим образуются производственные федерации, имеющие лишь совещательный голос. Исполнительным органом является Бюро из 5-ти членов: двух секретарей, двух казначеев и архивархуса.

Делегаты были, в общем, согласны с предложенной схемой, но опасались, по обычаю, что это приведет к созданию третьей Конфедерации. Они не хотели создания чего-то похожего на существующие две Конфедерации, не только из-за вышеуказанной боязни, но также и из-за опасения нового очага централизма и казенщины.

Для успокоения делегатов, и отчасти для собственного успокоения, как гарантия против возможного преращения U. F. S. A. в конфедеральное объединение, тов. Вердь предложил следующую резолюцию, которая и была принята единогласно:

„Желая дать федеративному Объединению Автономных Профсоюзов и идеям революционного синдикализма, выразителем которых оно является, самое широкое распространение; будучи так-же убеждены, что оно не сможет достичь этой цели, лишь только как при двух условиях: действием в пользу единства во Франции, и защитой революционного синдикализма, провозглашенного на Амьенском Конгрессе в 1906-м году, — Конференция решает *сохранить за U. F. S. A. исключительный характер случайности*, данный ей парижской и сент-уанской конференциями.

Она считает, что, придерживаясь этого плана, U. F. S. A. сможет сильнее и лучше действовать для перестройки рабочих и конфедеральных сил страны.

Она, следовательно, *откладывает до более подходящего времени окончательное учреждение U. F. S. A.*, предоставляя себе, однако, при надобности, и по мере того, как опыт докажет необходимость, право внести изменения, могущие способствовать делу обновления движения.

Конференция, тем не менее, устанавливает следующие неизбежные основы всякой союзной и конфедеральной реорганизации:

1) Конференция — или Съезд — состоит из делегатов от союзов.

2) Являясь выражением чаяний производителей всех категорий, эти союзы составляют фундамент революции.

3) Черпая свою силу и мощь из фабрик, контор, мастерских или из заводов, они являются естественными элементами новой мощи, душа которых выражается в союзных заседаниях, органами которых являются союзы и производственные федерации, исполнительный агент которых — Федеративное Объединение или Конфедерация, а направляющей и действующей силой являются, в последнем итоге, съезды.

4) Конференция — суверенна. Она передает свои права по управлению и по исполнению Секретариату, ответственному перед ней, а свои контрольные права — Национальному Комитету, состоящему из одного делегата от каждой области.

Как видно из подчеркнутых мест, новая форма организации должна носить *случайный* характер, и что теперь речь не должна идти о закреплении этой формы.

Одним словом, товарищам революционным синдикалистам захотелось быть в воде и остаться сухими, что обычно не удается. Не удалось и им. После принятия этой резолюции, была предложена схема и также при-

нята (21 голосом против 1-го). В этой схеме был, однако, пункт, устанавливающий ежемесячный членский взнос в размере 50 сантимов (около 2-х сентов). Пункт этот был выделен особо и при голосовании был отклонен 11 голосами против 10 (при одном воздержавшемся).

Нелепее быть не могло. „Федеративный принцип хорош. Создание организации по федеративному принципу — прекрасно. Но средств на создание этой желанной организации — не дадим“.

Ликвидация U. F. S. A. стала неизбежной. Для того, однако, чтобы не взять на себя такую ответственность, решено было, что, если до 1-го апреля с. г. союз, голосовавшие против 50-ти сантимного взноса, не

изменят свое решение, U. F. S. A. будет к этому числу распушена.

Так закончилась Конференция, которая с первого же момента воочию показала ту слабость духа, которая царит в настоящее время в рядах революционного синдикализма Франции. Удары, полученные им с первых дней войны, чувствуются до сегодняшнего дня, они его окончательно обезкровили и если назревающие грозные события во французской общественной жизни — события, которые могут в недалеком будущем произвести взрыв, не дадут сильный толчок в сторону свежего сплочения революционных пролетарских сил, то придется пережить длительную полосу истории французского пролетариата, в которой голос революционного синдикализма не будет иметь никакого значения.

А. Шатино.

ГОЛЛАНДИЯ.

Второй конгресс Нидерландского Синдикалистского Союза.

Нидерландский Синдикалистский Союз 25 и 26 декабря 1926 года имел в городе Утрехте свой второй конгресс. На конгрессе присутствовало 140 делегатов, представлявших 68 местных организаций, 8 федераций и 8 Бирж Труда.

Конгресс был открыт товарищем Россом. Председатель N. S. V. (Nederlandsch Syndicalistisch Vakverbond — Нидерландский Синдикалистский Союз) в обстоятельной речи осветил положение пролетариата в международном масштабе, а также международную экономическую и политическую ситуацию.

Конгресс получил приветствия от синдикалистских организаций Швеции, Португалии, Германии, Франции и Норвегии.

Секретариат M. T. P. послал конгрессу обстоятельное послание, содержание которого было встречено шумным одобрением съезда.

Конгресс горячо сожалел, что тов. Августин Зухи не может присутствовать, как официальный представитель M. T. P., так как реакционное голландское правительство, несомненно с целью саботажа, выдало тов. Зухи разрешение на въезд в самые последние часы, накануне съезда.

По отношению исключительных мероприятий голландского правительства, направленных против M. T. P., конгресс принял резолюцию протеста.

Перед началом обсуждения порядка дня съезд послал заключенным в тюрьмах за отказ от воинской повинности телеграммы приветствия и выражения горячей симпатии.

Отчет секретариата, вышедший из печати на 113 страницах, в котором изложена история до раскола союза и история развития союза, а также освещены все его мероприятия и работа входящих в него федераций, был принят конгрессом единогласно.

Из отчета кассира видно, что N. S. V. с 24 июня 1923 г. по 31 декабря 1924 г. на бастующих и уволенных товарищей и на интернациональную помощь была выдана сумма в размере 105,760 гульденов. В порядке добровольного пожертвования было собрано 77,168 гульденов. Около 27,000 гульденов было выдано из забастовочного фонда. Федерация, входящие в состав N. S. V.,

имеют свои собственные забастовочные фонды для мелких конфликтов, для больших же стачек и выступлений N. S. V. имеет один общий стачечный фонд. Ежедельные взносы в стачечный фонд обязательны; в общий стачечный фонд вносится 5 сентов, а в стачечные фонды входящих в состав N. S. V. федераций до 10 сентов с члена союза.

Отчет кассира, работа правления союза и редакции „Syndicalist“ были одобрены.

Обстоятельная дискуссия развернулась по вопросу о том, могут ли члены N. S. V., состоящие членами политических партий, быть членами правления Нидерландского Синдикалистского Союза.

Первый конгресс Н. С. С. на этот вопрос ответил отрицательно и в статуты был внесен соответствующий параграф, согласно которому, члены, принадлежащие к политическим партиям, должны быть исключены из правления союза. Теперь семью организациями и правлением Н. С. С. было внесено предложение об исключении из статуты этого параграфа. Хотя на конгрессе все время господствовал товарищеский дух и тон, тем не менее этот вопрос внес в дискуссию остроту.

С одной стороны, внешние это предложение подчеркивали, что не должно в организацию вводить и возводить в принцип двойственное право. Исключение членов из правления Н. С. С. — бесправие, ибо принципы союза и статуты вполне ограждают от опасности парламентской коррупции; нужно только иметь доверие к принципам. Кроме того ведь указано, что всякий член Н. С. С., находится ли он внутри или вне правления Н. С. С., может и должен пропагандировать только принципы и цели Н. С. С.

Другие товарищи высказывались против предложения. Мы, — подчеркивали эти товарищи, как ясно и откровенно показывают наши принципы, движение антипарламентское. Мы хотим вести борьбу с капитализмом и государством только прямым действием и прямой экономической борьбой. Правление Н. С. С., поэтому имеет определенную задачу: постоянно и повсюду пропагандировать эти принципы. Как же мы можем, спрашивали эти товарищи, оставить в нашем правлении членов политических партий? Разве мы в старой организации (N. A. S.) недостаточно имели примеров того, что парламентаристы могут разрушать организацию?

В разклучение предложение об исключении упомянутого параграфа было принято 26 голосами против 23, при одном воздержавшемся.

Единогласно было постановлено, что орган синдикалистской молодежи, издававшийся до сих пор комиссией, должен издаваться Н. С. С. Причина такого решения — финансовое положение органа.

Правление внесло предложение об организации специальной комиссии по изысканию средств для обзаведения собственной типографией. В Голландии выходят 10 синдикалистских органов: три еженедельных, остальные месячные, и все эти органы печатаются в частных типографиях. Далее были утверждены статуты стачечной кассы. Из нее должны выдавать помощь бастующим и уволенным товарищам, а также товарищам, которые будут преследоваться администрацией за революционную деятельность. В течении всего времени пребывания их в заключении их семьи должны получать помощь.

В порядке дня стоял также реферат тов. Лансинка, секретаря Н. С. С., о международном политическом и экономическом положении, о реакции, о положении в Голландии, о вопросе единства и о рабочей делегации в Россию. Но так как конгресс много времени употребил на рассмотрение организационных дел, то за недостатком времени он должен был отказаться от доклада тов. Лансинка. Что же касается всех остальных вышеуказанных вопросов, то конгрессу были предложены по ним четыре резолюции, в которых были разработаны основные позиции Н. С. С. Первая резолюция касается международного положения, опасности новой войны, преследования революционных рабочих и угнетения капиталистическими властямина цветных рас в колониальных областях. С полной симпатией конгресс отнесся к освободительному движению в Китае, Индии, Марокко, Сирии и т. д. и высказал ту мысль, что задача европейского пролетариата состоит в том, чтобы помочь своим цветным классовым братьям в их борьбе путем приостановки перевозки в колонии солдат и военных материалов, а также объявлением всеобщей стачки, отказом от воинской повинности и отказом от работ по вооружению.

Резолюция дальше указывает рабочим и рабам колониальных областей на то, что они ни в каком случае не могут и не должны доверяться никакому правительству.

Вторая резолюция касается внутреннего положения Голландии и реакции в ней. Классовая политика голландского правительства очевидна и рабочим массам становится ясно, что внутри капиталистического общества полное решение социальных вопросов и проблем в интересах пролетариата абсолютно невозможно. Поэтому рабочие должны энергично бороться за коренное изменение общества и за осуществление свободно-коммунистической системы производства.

Тем не менее в этой резолюции сформулированы различные требования, которые вытекают из практической повседневной жизненной борьбы.

- 1) Восьми-часовой рабочий день и 45-ти часовая рабочая неделя;
- 2) Шести-часовой рабочий день в опасных для жизни и здоровья предприятий и производствах;
- 3) Шести-часовой рабочий день для достигших 18 лет;
- 4) Запрещение работать детям моложе 16-ти лет;

5) Двух-недельный отпуск, с сохранением заработка, для всех рабочих;

6) Продуктивные работы для безработных;

7) Бесплатное страхование от безработицы, старости, болезни, несчастных случаев и инвалидности;

8) Уничтожение всех косвенных налогов и освобождение от налога всех лиц с годовым доходом непревышающим 3,000 гульденов;

9) Бесплатное обучение до 16-тилетнего возраста, а также в технических специальных школах; бесплатный доступ в высшие специальные учебные заведения;

10) Отмена всех исключительных законов против революционных рабочих;

11) Требование постройки рабочих жилищ.

Третья резолюция касается вопроса о единстве. Было установлено, что только единое выступление подлинно творческих рабочих масс в состоянии свергнуть и уничтожить реакцию и власть господствующих. Было указано на то, что до тех пор, пока различные профсоюзы, как амстердамские, московские и пр., будут плестись в хвосте политических партий, единство невозможно. Поэтому рабочие должны вступать в синдикалистские союзы, ибо они являются единственной основой для создания необходимого объединенного пролетарского действия.

Четвертая резолюция говорит о рабочей делегации в Россию. Было признано, что для рабочих масс всего мира имеет огромное значение и ценность быть хорошо осведомленными о политическом и экономическом положении в России. Но затем сказано, что рабочие делегации в Россию имеют мало значения в виду незнания языка, огромности страны и компилятивного характера собранных материалов о политическом, экономическом и индустриальном положении в России. Что может рабочая делегация найти основного и ценного в такой короткий промежуток времени? Из этого вытекает требование, чтобы большевистское правительство немедленно освободило всех революционеров из тюрем и возвратило всех революционных рабочих из ссылки, гарантировало, наконец, свободное выражение мнений, критики и обмен письмами без всяких ограничений. Если в России отсутствующая свобода мнения, свобода критики будет гарантирована каждому рабочему, тогда большевистским властям не будет надобности информировать заграничные рабочие массы, так как это только коммунистическая реклама и обман. Исходя из этих соображений, участие в рабочей делегации отклоняется.

Все резолюции приняты конгрессом единогласно. После голосования один представитель, который все еще остается в рядах Н. С. В., как агент московского Н. А. С.,*) заявил, что, несмотря на постановления конгресса, его организация все же примет участие в делегации. Конгресс сейчас вполне ясно сказал этому коммунистическому фракционному агенту, что это не будет допущено. Было постановлено, что до тех пор, пока русское правительство не откажется от царистской системы по отношению к революционным русским рабочим, всякое участие в рабочих делегациях со стороны организаций, входящих в Н. С. В., будет рассматриваться как

*) Н. А. С. — старая синдикалистская организация, которая раскололась три года тому назад, благодаря просякам московского профинтерна. Н. А. С. в настоящее время чисто коммунистическая организация.

посмешка над нашими русскими товарищами и как неподобающее выступление против организации.

Редактором „Syndicalist“ а единогласно снова выбран Лансинк (младший).

Следующий конгресс состоится в 1927 году в Амстердаме.

Конгресс обнаружил, что в организации царит чувство товарищества и взаимного доверия. Совершенно другая атмосфера была раньше, когда на конгрессах Н. А. С. приходилось быть вместе с ненавидимыми коммунистами.

Заслуга конгресса состоит в том, что им укреплены и одобрены основные организационные и финансовые положения, при этом не забыто подчеркнуть, что мы чисто революционное рабочее движение, конечная цель которого уничтожение капитализма и государства и создание свободного безгосударственного коммунистического общества.

Конгресс будет иметь хорошие последствия для синдикалистского движения Голландии.

(Бюллетень М. Т. Р.).

РОССИЯ

ТЮРЬМА И ССЫЛКА.

Подлость.

Да, иначе не назовешь, как подлостью, ответ Г.П.У. на просьбу политического заключенного Моисея Цукермана.

Тов. Цукерман и его жена отбыли положенный срок тюремного заключения и должны были выйти на свободу, но коммунистическое правительство не освобождает своих политических противников: из тюрьмы отправляет их в ссылку, из ссылки в тюрьму.

Тов. Цукерман обратился с просьбой к Г.П.У., чтобы его не разлучали с женой и послали обоих в одно место. Что ответило на эту просьбу Г. П. У.? Оно ответило без слов: Цукермана послало в распоряжение Николаевского Г.П.У. (Сибирь), а его жену, Е. А. Лютиович-Лях, послало в Великий-Устюг, Северо-Двинской губ.

А говорят, что советское правительство не прибегает к излишней жестокости и пыткам. Что может быть хуже царских жандармов? А ведь они до этого не доходили.

Обыски и аресты среди ссыльных анархистов.

В прошлом номере „Г. Т.“ мы сообщали об аресте и ссылке тов. Барона в еще более отдаленные места Сибири. Причина — переписка (дегальная) с товарищами, находящимися за-границей. Ныне мы получили сведения, что по тем же самым причинам были произведены обыски среди ссыльных анархистов в г. Архангельске. При обыске ничего не найдено, но тов. ждут репрессий. В Ташкенте же все ссыльные товарищи посажены в тюрьму, арестованные в Самарканде переведены в ташкентскую тюрьму. Всего заключено в тюрьму 15 ташкентских ссыльных и 8 самаркандских. Как намерено поступить с ними коммунистическое правительство — неизвестно. Вероятно прибавят по несколько лет и загонят в самые глухие места Сибири.

Нарымская ссылка.

Ссыльные живут по деревушкам на расстоянии 60—120 верст друг от друга. В так называемую станицу край, гор. Колпашево, (всего 160 дворов), являю из Томска почта ходит регулярно два раза в неделю, летом же пароходом один раз в неделю.

Работать там ссыльным невозможно. Имеются в гор. различные учреждения, но чтобы служить в них, нужно

забыть о человеческом достоинстве и ходить на задних лапках перед начальством. Те из ссыльных, которые, вопреки кодексу о труде, работают по 10—12 час. в сутки, еще кое-как уживаются с начальством.

Очень часто Г.П.У. секретными распоряжениями заставляет принимать на работу ссыльных, уверяя в то же время последних, что с его-де стороны препятствий к поступлению на службу нет. Ссыльные, поэтому, вынуждены, как говорится, — „бесплатно собак гонять по улицам“....

С этапа.

Омск, 31—12. 25.

Сейчас нахожусь, вот уже больше трех недель, в пути. По окончании срока меня отправили в распоряжение сибирского Г. П. У. на три года. Сейчас застрял в Омске в ожидании этапа на Новониколаевск, там должны определить конечное место моего жительства. В Омске я вынужден был лечь в больницу, так как здоровье мое сильно ухудшилось за последние месяцы. За две недели до окончания срока мне сделали операцию в Верхнеуральске, которая к моему огорчению оказалась неудачной и сейчас мне необходимо будет снова оперироваться. Не знаю только где, наверное не придется, тем более, если назначат в Нарым или какую либо деревню.

Общее состояние мое было бы достаточно бодрым, если бы сильная усталость от скверного пути и сознания своей беспомощности в смысле способности трудиться, пока не выздоровлю. Тем не менее, я духом не падаю, веры и надежды на лучшие дни не теряю.

Таня Полозова осталась еще в Верхнеудинске. Просила передать тебе привет.

Сегодня у меня к тебе большая дружеская просьба: окажите мне денежную помощь, так как еду без копейки денег, во-первых, и совершенно не надеюсь получить работу в первые месяцы, во-вторых. Если получишь это письмо в ближайшие две недели, прошу, если сможешь, пришли по телеграфу, хотя бы несколько рублей. Из Омска полагаю уехать 7/1, если к тому времени врач согласится меня выписать.

Ката—Минка (Лях) „поехала“ на три года в Усть-Сысольск.

Сейка.

Жизнь организации И. Р. М.

Издательства над товарищами Минтон и Рутерфорд.

Калифорнийский отдел Комитета Защиты сообщает, что товарищи Минтон и Рутерфорд без всякого основания снова заключены в одиночные казематы. Этот поступок начальника тюрьмы в Сан Квентин можно объяснить только тем, что он, вероятно, снова что-то затеял против заключенных членов И. Р. М.

Товарищ Р. В. Минтон был снят с тюремной работы 6-го февраля и брошен в одиночный каземат, якобы за замедленный темп работы. На следующий день тов. Рутерфорд был обвинен в „агитации“ и его постигла участь Минтона.

Эти два товарища раньше находились в одиночном заключении около трех месяцев и были освобождены оттуда накануне Рождества вместе с другими девятнадцатью товарищами. Рождественское мягкосердечие очень кратковременно среди начальников калифорнийских Батстлий.

Прошлым летом калифорнийским Комитетом Защиты был раскрыт заговор на жизнь тов. Рутерфорда. С тех пор тюремная стража была немного сдержаннее в своих угрозах. Цель, однако, не оставлена, изменена только тактика и заключенных товарищей продолжают убивать медленным, но мучительным и бесчеловечным способом. Кажется, что заключение в тюрьму за убеждения — достаточное наказание. Однако буржуазии этого мало и она подвергает издевательствам и мучениям своих пленников пролетариев.

Власти штата Калифорния знали что делали, когда строили Сан Квентинскую тюрьму вдали от жилых мест, на берегу залива, обвоя ее высокой каменной стеной, предназначенной для сокрытия от народа своей жестокости. Иначе люди были бы свидетелями современного варварства и могли бы, при виде разлагающегося трупа капитализма, восстать и уничтожить его окончательно.

Результат референдума.

Из доклада комиссии по подсчету голосов референдума выяснилось, что все предложения прошли. На референдум были поставлены двенадцать добавлений и изменений к общему уставу организации. Из них мы отметим только наиболее важные. Помимо членских месячных взносов, которые теперь будут определять каждым союзом в отдельности, следует отметить и специальные марки в один доллар, обязательные для всех членов, которые будут выпускаться каждую четверть года. Вопрос о самостоятельном ведении дел самими союзами решен референдумом в том смысле, что каждый союз может определять размер вступительных и членских взносов, это касается также и существовавших до сих пор департаментальных союзов (Small Industrial Unions), ныне федерированных в Общий Рекрутский Союз. В этом последнем будет произведена полная реорганизация и членам его нужно обратить на это самое серьезное внимание и принять активное участие в намеченной работе.

В Рекрутский Союз вошли следующие индустриальные союзы: №№ 140, 230, 320, 410, 420, 430, 440, 450, 460, 470, 480, 520, 530, 540, 550, 610, 620, 630, 640, 650 и 660.

Начиная с марта месяца все члены вышеупомянутых малых индустриальных союзов в каждой местности будут вести свои собрания совместно, за исключением тех мест, где существуют самостоятельные отделы этих союзов, которые будут функционировать как отделы Рекрутского Союза той индустрии, работников которой они объединяют. Там же, где ни один из этих союзов не насчитывает достаточного количества членов для создания отдела, члены, принадлежащие к ним, будут объединяться в смешанном отделе Рекрутского Союза. Для организации такого отдела требуется двадцать членов.

Должно заметить, что создание Рекрутского Союза является только своего рода амалгамацией для более успешного ведения дел, запись же в организацию и определение принадлежности к индустриальному союзу производится по-прежнему по индустриальному принципу.

Подробности реорганизации малых индустриальных союзов в рекрутский и подготовки конференции, в мае месяце с. г., рассылаются секретарем этого союза по отделам.

В индустриальных союзах №№ 110, 120, 210-220, 310, 330 и 510, наличность членского состава которых позволяет им вести свои дела самостоятельно, положение остается без перемен.

Вступительные и членские взносы определены референдумом в следующем размере: вступительный взнос не должен быть ниже одного доллара и не выше 10-ти долларов; месячный членский взнос не ниже 50-ти центов и не выше 1-го доллара.

Перемена администрации И. Р. М.

Референдумом избран новый секретарь-казначей тов. Джон И. Торнер, председателем Исполнительного Комитета избран тов. Ч. Андерсон.

Перемена секретарей в индустриальных союзах.

Новым секретарем союза строительных рабочих, № 330, избран тов. Е. В. Летчем.

— В союзе сельскохозяйственных рабочих, № 110, тов. Ф. Торп.

— В союзе лесных рабочих, № 120, тов. Эд. Питерсон.

— Секретарем Рекрутского Союза (бывших малых индустриальных союзов) переизбрана тов. Р. Роузмбо.

В чикагском отделе союза № 110.

Деятельность чикагского союза сельскохозяйственных рабочих, № 110, по причине перемены секретаря отдела и переезда в новое помещение (1118 Вест Мэдисон улица), на некоторое время была приостановлена.

Теперь снова в помещении отдела устраиваются лекции, дискуссии и вечеринки.

В редакцию „Голоса Труженика“ поступил для продажи № 9 „Дела Трудя“. — Цена 5 центов.